

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Татьяны Александровны Васильевой

«У истоков украинофильства: Образ Украины в российской словесности
конца XVIII – первой четверти XIX века»,

представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Специальность 10.01.01 – русская литература

Практики воображения и идеологического конструирования территориальных миров сравнительно недавно были открыты европейскими, американскими и отечественными гуманитариями – когда ориентированная на экономику парадигма марксизма сначала на Западе, а затем и у нас сначала вытеснялась исследованием ментальностей в духе «Анналов», а позднее – возникшим на излете XX столетия функциональным подходом к национальным нарративам. Нация «делается» этнографами, энтузиастами газетного дела, лингвистами и литераторами. Этот тезис историков Эрнеста Геллнера и Бенедикта Андерсона пришел на смену державшейся более двух веков эссенциалистской доктрине Гердера о «врожденных», «природных» свойствах национальных «организмов». Тем не менее большая часть работ, развивающих открытия Геллнера, Андерсона, Хобсбаума, Хоми Баба, Смита, Брубейкера, Бассина и др., работ, появляющихся в современной научной печати сплошной чередой, лишь отчасти учитывают литературно-эстетический контекст нацистроительства. Более того, с досадой приходится констатировать, что за показательными исключениями М. Могильнер, А.Л. Зорина, В.М. Живова, Сузи Франк и еще нескольких специалистов, в числе которых нужно назвать и консультанта данной работы В.С. Киселева, профессиональных филологов в этом поле исследований (по крайней мере, в России) почти нет. Неоднократно, впрочем, социальные историки и психологи, принадлежащие к выделенной традиции, совершали своего рода «набеги» на литературный материал, но назвать результаты их штудий удачными, как правило, нельзя. В сущности, вопрос о роли литературы, продуцируемых ею в ходе нацистроительства сюжетов, тропов и риторических формул не только не изучен, но, по существу, корректно до сих пор не сформулирован. Даже этапная книга А. Зорина «Кормя двуглавого орла...», казалось бы, предельно литературоцентричная, ориентирует читателя главным образом на то, чтобы посмотреть на писателей начала XIX в. как на «идеологов». Поэтический текст рассматривается прежде всего как зашифрованная идеологема. Множество ярких и глубоких анализов, из которых сложилась работа А. Зорина, дают представление о давлении идеологии на художественную словесность, но никак не проясняют вовлечение литературы как институции и поэтической системы в про-

цесс преобразования традиционалистского социума в модерную политическую нацию. Между тем отчетливо ясно, что острый национальный сентимент рождается не в элитарной среде отвлеченных образно-поэтических конструкций типа «греческого проекта», а в среде литературы «для всех», в низовом слое беллетристики, в изучении и усвоении фольклора, в историях «горизонтальных» и «вертикальных» перемещений и травматичных смен авторской идентичности.

Считаю, что в этой перспективе говорить об **актуальности** диссертации Т.А. Васильевой излишне. Работа не просто актуальна – она поневоле ввиду очевидных современных обстоятельств имеет риск стать слишком злободневной, что не всегда идёт на пользу молодым исследователям. Уверен, впрочем, что с этой возможной проблемой Т.А. Васильева справится. Стержневым концептуальным тезисом диссертации, определившим ее **новизну** и своеобразие, стал реконструированный образ «народа поющего и пляшущего» – не только имагологическая конструкция, сделавшаяся на много десятилетий брэндом самих украинцев, но и точка отсчета, относительно которой столичная словесность могла позиционировать себя как «высокая» и «имперская». В этом отношении энергия образотворчества оказывается двунаправленной: концепт «украинского» подобен зеркалу, которое прежде всего отражает самих русских, причем, что характерно, – столичных русских. Эта общая тенденция (на материале культур Севера и Сибири проанализированная Ю. Слёзкин) связана с важнейшей стратегией имперской культуры: создать образ операционально управляемой, умопостигаемой и в целом «комфортной» периферии.

С учетом всех достижений современной историографии, социологии культуры, литературной имагологии соискатель уверенно и многосторонне анализирует несколько этапов создания образа Малороссии, выделяет главных агентов, производящих образные модели и заинтересованных в их трансляции и воспроизводстве. Так, образ «народа поющего...» в конце XVIII – начале XIX вв. быстро обретал не только общерусский, но и европейский контекст: диссертант интересно проецирует его на ключевую для всего Просвещения дискуссию Руссо с Вольтером, в которой первый отстаивал «естественные» права народности, а второй – приоритеты высокой цивилизации.

История культурного «украинства» начинается с ассоциативной привязки малороссов к крестьянскому миру: элита быстро европеизировалась и русифицировалась, иногда проецируя остаточную часть своей идентичности на идиллию сельской жизни. Так, в большой культурной перспективе исследователь намечает ключевое отличие в историях русского и украинского самосознаний. Вторым шагом в образном конструировании украинца была выработка его отличий от русского – тем более насущная, что, например, на уровне того же крестьянского

быта этнически перемешанных фронтальных зон юга России хоть какое-то своеобразие было далеко не очевидным. Так украинфильство входило в фазу культурного регионализма.

Говоря об этапах образотворчества самих по себе, нельзя не отметить, с каким вниманием и трудолюбием автор диссертации реконструирует давно забытые полемики, выводит из забвения, казалось бы, давно канувшие в него имена. Голоса локальных историков и писателей обретают общерусский резонанс, входят в огромный полифонический оркестр, в котором имперский дискурс сложно взаимодействовал с нарождающимися национальными нарративами.

Очередной тенденцией, развивавшейся параллельно с идеями регионализма и кооптацией украинской элиты в имперскую, стало усиление этнического оттенка в образе Малороссии. Подход закономерно опирался на наследие Гердера. Весьма точно Т.А. Васильева подмечает психологически-компенсаторную функцию такого рода построений: то, что в оптике Вольтера было «примитивным», с позиции Гердера делается «исконным», имеющим «самостоятельную ценность» (С. 41).

Вместе с тем очевидно, что в ходе концептуализации русского начала как ключевого в имперском контексте Украина должна была быть переосмыслена: хаотическая периферия «переписывалась» в терминах старинного центра, «истока», «своей античности». Эскурс диссертанта в историю репрезентаций Киевской Руси производится на материале целого ряда произведений – «Сказок» Лёвшина, «шутливых поэм» Карамзина и Львова, героической повести Муравьева и т.д.: так к разбору идеологических дискурсов подключается анализ поэтической техники – главным «героем» здесь оказывается жанр. Говоря о семантике привлекаемых к изучению текстов, соискатель показывает, что исходный конструкт «народа поющего...» здесь вовсе не исключается, а становится своего рода мифопоэтическим зерном, из которого вырастает «своя» «классическая» древность. Весьма интересно наблюдение о трансформации топики античного «юга» в *loci communes* оссиановского «севера» в повести Муравьева «Оскольд»: концепт национального первоистока складывается словно из двух историко-культурных и стилевых компонентов – открытие античности как географическое движение к югу (параллель – это, например, «крымский текст») сочетается с новым витком автолегитимации России как европейской державы, располагающей схожим с европейцами «северным» героическим прошлым.

Закономерно, что следующим объектом исследовательского интереса со стороны Т.А. Васильевой становится жанр травелога: то, что вообразено в качестве национально-героической первоосновы, начинает привлекать путешественников – архетип паломничества к новым «святым местам» действует безотказно и производит на свет целую традицию литературных путешествий по Украине. В аналитическом фокусе диссертанта оказываются травело-

ги Измайлова, Шаликова и Лёвшина. Существенно наблюдение соискателя о знаменитых сентиментальных травелогах Шаликова, в которых реальные наблюдения уступают мощному воздействию авторских эмоций: Украина делается не только местом разного рода исторических реконструкций, но также входит в русскую литературу как «чувствительный» локус. Этот последний, в свою очередь, играет важную интегрирующую роль: сентимент вызывает лишь то, что психологически приближается, а не отчуждается. Вместе с тем звучащее в итоговом фрагменте этой главы понятие Б. Андерсона «воображаемое сообщество» (С. 69), формированию которого способствовала созданная к первой трети XIX в. образная матрица (природа, идиллия, древность), кажется несколько неожиданным. Ведь «воображаемое сообщество» требует прежде всего институциализации «своей» локальной культуры, вставшей на тропу сессии, но в данном случае речь идет скорее о воображаемой географии самой России, разные локальности которой обретают в это время свои символические роли и назначения. Уверен, что в устной дискуссии Т.А. Васильева прояснит свою позицию.

Во второй главе работы диссертант обращается к культурному процессу, существенно осложнившему описанную ранее картину. Провозглашение Царства Польского и Польское восстание 1830-1831 гг. инициировали своего рода конкуренцию за образ Украины. Политические перипетии этой известной истории не раз анализировались (назовем здесь работы А.И. Миллера), но культурно-литературные подтексты до сих пор не получили внятной интерпретации. Фоном, оттенявшим новую тенденцию в развитии образа Украины, был в это время регионализм, стимулировавший создание культурных «гнезд», – так первообраз «народа поющего...» постепенно сменялся концептом «просвещенного края», располагающего теперь уже своей *национальной* спецификой (С. 86). Первой ласточкой нового нарратива, как убедительно показывает Т.А. Васильева, стало развитие местных этнографических и историко-археологических изысканий. Создававшаяся по лекалам Карамзина местная историография призвана была дополнить официальную схему украинскими «сведениями». Однако здесь возникла новая интрига. Именно с позиций «просвещенной» культуры открывалась народная традиция: с точки зрения словесности – фольклорная, в языковом отношении – диалектная, а в более радикальной форме и вовсе иноязычная. Т.е. сам алгоритм консолидации всякий раз, как показывает Т.А. Васильева, создает внутри себя определенные ассиметрии, приводящие систему культуры в состояние напряжения.

Вероятно, переломным моментом во всей дальнейшей истории образа Украины и украинского самосознания самого по себе выступила связка двух дискурсивных комбинаций: если у этнографической реальности нет, по Руссо, политического представительства, то идентичность размещается в *культуре*, имеющей трансграничный характер бытования. Здесь акцент делался на традиции элиты, народная культура игнорировалась. Вторым приемом была также

руссоистская ассоциация крестьян с *природой*, что выводило их за пределы политики (С. 95-96). Творцы украинской имагологии решили обогнуть оба этих дискурсивных тупика: «сердце» будущей нации начинает видеться в местной «аристократии», концепт которой активно создается из бывшей казацкой старшины. Данный акцент автора диссертации представляется в высшей степени продуктивным: мы знаем, что начиная с Николая I в истории воображения русской нации шаг за шагом понижалось значение элитизма, пока, наконец, в начале XX в. эрзацы народной культуры не проникли на самую верхушку общества. Предположим, что для «имперской» нации такой путь был закономерен: наличие «своей» элиты было бесспорным, а легитимация ее прав и статуса как раз и обеспечивалась соединением с народным «телом» (вспомним здесь толстовского Пьера Безухова). Для творцов украинской идентичности, кооптированных в управленческие и культурные слои отчасти русской, отчасти космополитической империи Романовых, важно было сконструировать именно концепт «своей» элиты. Как кажется, именно в этой точке «ритмы» русской и украинской культур перестают совпадать. Понимаю, что подобная экстраполяция наблюдений Т.А. Васильевой вполне дискуссионна; согласится ли с ней молодая исследователь? Понятно, что и русская, и украинская этнография XIX в. настойчиво возвращалась к концепту народности (далее диссертант пишет об этом убедительно и с привлечением большого числа примеров), однако нет ли в этом странном преувеличении роли старшины некоего типологического признака внутренних украинских авторепрезентаций?

Дальнейшее развитие тематики «народа» приводит русских и малороссийских создателей образа Украины, с одной стороны, к согласию на объединяющем их фундаменте панславизма, а с другой – вписывается в состязание с польским антиимперским дискурсом: пребывающий во власти локализма, фольклора и диалекта украинец делается объектом энергичных нациестроительных усилий с стороны ряда польских интеллектуалов. В целом довольно известная, эта история показана Т.А. Васильевой под интересным литературно-культурным углом зрения (ею, в частности, анализируется повесть Нарежного «Бурсак»). Любопытно, что в русском контексте казачья тема развивается после Отечественной войны 1812 года – пережив кратковременное забвение, она выходит на поверхность и включается в доминирующую после победы над Наполеоном тему народа.

В третьей главе диссертант исследует стратегии формирования украинского культурного канона. Ключевым сочинением, явившим собой наиболее востребованный полифункциональный образец «украинского текста», стала «Энеида» Ивана Котляревского, соединившая в своей бурлескной стилистике самые значительные лейтмотивы украинской темы – античность и простонародье. Наряду с вектором, намеченным Котляревским, в поле зрения исследователя оказались образ Григория Сковороды, участники исторического пантеона Мазепа и Богдан

Хмельницкий, инфраструктурная поддержка стратегий канонизации в виде возникающей сети университетов (особенно Харьковского), декабристская рецепция украинской темы, ожидаемо обретающей у поэтов-романтиков тираноборческий смысл. Наконец, важным примером достоверно-бытописательного воспроизведения Украины стало творчество Василия Нарезного. В целом третья глава убедительно суммирует на многообразном литературном материале те дискурсивные тенденции, которые были реконструированы в двух первых главах работы.

Оканчивая этот отзыв, отмечу, что исследование Т.А. Васильевой вносит существенный вклад в понимание законов украинского образотворчества в русской литературе, развернувшегося с обоих флангов культурного поля: от агентов империи и от нарождающегося локально-национального сообщества. Это понимание диалогового характера анализируемых процессов – несомненно, сильная сторона диссертации. Другой особенностью работы является предопределенный современным состоянием исследований в этой области междисциплинарный акцент на изучении переплетений политических дискурсов и поддерживающих их культурных стратегий. Соискатель тем не менее нашел для себя как литературоведа нишу в этой сфере знания, доказал своё понимание и историко-политической подоплеку украинской имагологии, и специфики ее проекций в литературную сферу. Идеальной, вполне возможно, была бы законченная картина украинского образа в чисто эстетических и семиотических координатах – по образцу, допустим, «петербургского текста» В.Н. Топорова, но, уверен, что такое сверхтребование было бы не вполне корректным. Все-таки основа образно-эстетического конструирования Украины – это не культурный проект *par excellence*, чем был Петербург, не столкновение человека с почти «пустым» пространством – переживание, ставшее ядром «сибирского текста», а в первую очередь вековое идеологическое и военное противоборство с целью вернуть себе землю, квалифицирующуюся как *heartland*. Поэтому быстрый переход исследователя к феноменологии пространства (минуя историко-политические «перекрестки») здесь был бы скорее ошибкой.

Другой знаковой чертой исследования является исчерпывающая, редко в таком объеме встречающаяся в кандидатских диссертациях источниковая база, объединившая в себе работы на нескольких языках (украинском, польском, английском, немецком, русском), а также опорные для автора произведения десятков малоизвестных украинских писателей, поэтов и публицистов. Кропотливость и скрупулезность исполнения работы, конечно же, настраивает читателя и рецензента в пользу соискателя, сообщает его выводам, наблюдениям, гипотезам надежный и обоснованный характер.

Всё сказанное выше позволяет нам заключить, что диссертация «У истоков украинофильства: Образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой ставится и решается важная

в историко- и теоретико-литературном отношении проблема: реконструируются первоосновы образа Украины в русской литературе, а также литературные, историографические, и социокультурные корни украинской идентичности. Задачи, которые автор решает в ходе своего исследования, имеют принципиальное значение для развития литературоведения и таких его направлений как имагология, семиотика художественного пространства, поэтика территориального текста, жанрология. В диссертации отчетливо проявлен междисциплинарный аспект – прежде всего по линии соприкосновения науки о литературе с историей идей, социальной историей и империологией. Работа соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней» (пункты 9, 10 и 11), а ее автор, Татьяна Александровна Васильева, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

26 февраля 2015 г.

Анисимов Кирилл Владиславович,
 доктор филологических наук, доцент,
 профессор кафедры русского языка,
 литературы и речевой коммуникации
 Института филологии и языковой
 коммуникации Федерального
 государственного автономного
 образовательного учреждения высшего
 профессионального образования
 «Сибирский федеральный университет»,
 660041, г. Красноярск, проспект Свободный, 79/10
 (391) 223-07-27, kianisimov2009@vandex.ru

